

Эсхатологические мотивы Достоевского в «Сне смешного человека»

Идея *детскости во взрослом* легла в основу философско-фантастической новеллы «Сон смешного человека» – социально-эсхатологической утопии, где Достоевский прозревает наилучшее устройство общества.

Герой новеллы попадает на землю, похожую на один из островов греческого архипелага. По аналогии с порой «первого детства», когда все естественно, гармонично, Достоевский рисует природу этих мест: «...Всюду сияло каким-то праздником и великим, святым и достигнутым наконец торжеством. Ласковое изумрудное море тихо плескало о берега и лобызало их с любовью, явной, видимой, почти сознательной». Таковую идиллию может чувствовать лишь невинное существо, чье восприятие жизни ничем не омрачено: или ребенок (из первого детства), или сохранивший в себе детство взрослый. Обитатели этого счастливого уголка – дети солнца, люди, чей облик под стать окружающей природе: «Никогда я не видывал на нашей земле такой красоты в человеке. Разве лишь в детях наших, в самые первые годы их возраста, можно бы было найти отдаленный, хотя и слабый отблеск красоты этой. Глаза этих счастливых людей сверкали ясным блеском. Лица их сияли разумом и каким-то восполнившимся уже до спокойствия сознанием, но лица эти были веселы; в словах и голосах этих людей звучала детская радость».

Для этих людей не существовало вопроса о вечной жизни. Они, как в детстве, до определенного возраста, были в собственном бессмертии «убеждены безотчетно». У них не имелось храмов, зато было какое-то насущное, живое, непрерывное единение с Целым вселенной. И здесь сходство с естественным синкретизмом сознания ребенка – сознания нерасчлененного, целостного. Во взрослом мире этому

аналогична философская концепция Вл. Соловьева, утверждающая *всеединство*, гармонию космического и социального.

У детей солнца не было веры, зато было твердое знание: когда «восполнится их земная радость до пределов природы земной, тогда наступит для них, и для живущих и для умерших, еще большее расширение соприкосновения с Целым вселенной». Ожидая этого, они не торопили события, считали, что впереди вечность, подобно тому, как ребенок уверен, что никогда не умрет.

Впечатления раннего детства всплывают в воспоминаниях взрослого как картина сна. Как сон видится здесь то, что мы действительно пережили, что преодолели. Многое из пережитого нами в детстве мы потеряли, но многое и приобрели, и это новое помогло нашему развитию, хотя и привело к непредвиденным последствиям. Этот процесс герой новеллы называет *развратом*, потому, что конечный результат – изгнание из «райского» детского состояния и приобщение к взрослой социальной жизни со всеми ее жестокими противоречиями. Достоевский дает перечень того, *что* приобретают люди, проходящие круги социализации. И эти приобретения (ценности) писатель представляет с красноречием и силой поистине библейскими: люди научились лгать и полюбили ложь, и познали красоту лжи; они узнали стыд и стыд возвели в добродетель; родилось понятие о чести, и в каждом союзе поднялось свое знамя; они стали мучить животных, и животные отделились от них в леса и стали врагами; началась борьба за разъединение, за обособление, за личное, за мое и твое; они стали говорить на разных языках и т.д.

Такой явилась одиссея человека, вышедшего из «рая» (детства) и попавшего в «ад» (взрослость), а затем возмечтавшего о новом «земном рае» (детско-взрослом), который соединил бы в себе все лучшее детское и взрослое, потому что люди уже познали отличие лучшего от худшего. Один и тот же процесс происходит в сознании отдельной личности и всего человечества. Достоевский рисует впечатляющую картину феноменологии духа, почти по Гегелю, но только в художественных образах.